

**СОВРЕМЕННОЕ
РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

**Часть
2**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ч. II

Москва 1992

скоязычное население. Отсюда неуверенность этой группы в социальной защите и стремление покинуть пределы Таджикистана. При этом уезжают главным образом специалисты, которых здесь не готовят, чем наносится значительный урон развитию экономики и культуры республики.

Литература

1. Россия. Географическое описание нашего отечества, под общим руководством П.П.Семенова-Тянь-Шанского. Т.ХІХ. Туркестанский край. СПб., 1913. С.347.
2. Материалы по районированию Средней Азии. Кн.І. Территория Бухары и Хорезма. Часть І. Бухара. Ташкент, 1926. С.164.
3. А.В.Козенко, Л.Ф.Моногарова. Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе // Советская этнография, 1971. № 6. С.113. Графики - с. 114-115.
4. Сб. Таджикская ССР. - М., 1988. С.303.

УЙГУРЫ И ДУНГАНЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Ферганская долина - это самый плотно заселенный регион нашей страны, всегда была и одним из самых многонациональных районов. Переписью 1926 г. здесь было зарегистрировано более 60 национальностей. В настоящее время их насчитывается еще больше. Основную часть коренного населения края составляют узбеки (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. их было в Андижанской, Наманганской и Ферганской областях УзССР 3.396.141 человек ¹), таджики (203.158 человек ²), киргизы (108.957 человек ³). Кроме того, здесь живут русские, татары, евреи, уйгуры, дунгане, арабы, каракалпаки и другие народы.

Уйгуры - коренные жители Восточного Туркестана или Кашгарии (ныне Синьцзян-Уйгурский АО Китая) - составляют заметную по численности группу в Ферганской долине. Переселение большей части уйгуров относится к ХУП и особенно к ХУШ - ХІХ вв. В результате в середине ХІХ в. их насчитывалось в этом крае около 300 тысяч человек ⁴. Правда, к началу ХХ в. число их, по официальным данным, не достигало даже 57 тысяч ⁵. Такое резкое сокращение численности уйгуров в Ферганской долине можно объяснить и несовершенством сбора статистического материала, и возвращением части переселенцев на родину, и, конечно же, слиянием части их с узбеками.

В начале ХХ в. число ферганских уйгуров пополнилось за счет новых переселенцев из Кашгарии. Тысячи уйгуров, дунган, китайцев пересекали границу в поисках заработка. А развивающаяся промышленность Ферганы могла обеспечить их работой и относительно высокой оплатой. Так, в 1906 году в Фергану прибыло из Восточного Туркестана 14.689

человек, в 1907 году - 24.107 человек ⁶, а в 1908 году - более 28.000 ⁷. Здесь они работали поденщиками, черно-рабочими на угольных копях, хлопкоочистительных заводах, сезонными рабочими на хлопковых и рисовых полях и т.д. Многие из отходников оставались в Фергане навсегда, обзаводились семьями, вызывали из Кашгарии родственников. Число остающихся в Фергане кашгарцев было довольно велико. Так, только в 1912-1913 гг. разница между вышедшими из Китая и вернувшимися туда составила 13.175 человек ⁸.

В годы первой мировой войны по соглашению с китайским правительством из Китая прибыло в Россию, в том числе и в Туркестан (и в Фергану) около 200 тысяч китайских подданных (по большей части уйгуров) ⁹. И еще одна волна уйгурских (и дунганских) рабочих прибыла в Туркестан, в т.ч. и Фергану, уже в советское время опять-таки по соглашению между советскими и китайскими правительствами. Конечно, значительная часть их вернулась назад в Китай, но немало их и осталось в Фергане навсегда.

Наиболее крупные массивы уйгуров в настоящее время расположились в Пахтабадском и Ленинском районах Андижанской области. Но кроме того, их немало в Араванском и Кашкар-кишлакском районах Ошской области Киргизской ССР, а также на остальной территории Ферганской долины ¹⁰. Практически нет ни одного района в этом крае, который бы не имел селения или квартала с названием Кашгар или Кашгарлык, а это свидетельство того, что здесь живут или жили в недавнем прошлом уйгуры.

В 1926 году на территориях компактного расселения уйгуров были созданы специальные уйгурские сельсоветы: в Ленинском районе Андижанской области - три уйгурских сельсовета, в Избаскентском районе той же области - два (ныне они выделены в Пахтабадский район), в Джалалкудукском и Ворошиловском - по одному ¹¹, а также в Ошском и Каракольском районах Ошской области ¹².

Уйгуры активно включились в строительство социа-

листического общества в нашей стране. Так, в 20-е годы переселенцы из Китая создали кашгаро-джунгарские коммунистические секции и ячейки, в задачу которых, между прочим, входили и борьба за ликвидацию безграмотности среди взрослых эмигрантов, и создание школ для детей, в которых обучение велось на родном языке, и издание книг, журналов, газет на родном языке ¹³. Уйгурские школы в районах компактного расселения уйгуров существовали до 1938 года. В г. Андижане был уйгурский педтехникум, действовал уйгурский театр, уйгуры получали газету на уйгурском языке "Шарк хакикати", издававшуюся в Ташкенте. Но в период массовых репрессий 1937-1938 гг. пострадало и немало уйгуров, в первую очередь, представителей интеллигенции, многих из которых обвинили в шпионаже в пользу Китая. Один из моих информаторов Каримджан Исхаков, уйгур, 1906 г.р. из г. Карасу Ошской области был осужден на 17 лет, из которых 11 лет провел в тюрьме строгого режима.

Постепенно стали закрываться уйгурские школы, педтехникум, театр, исчезли уйгурская газета, книги. А вскоре во многих районах во время переписей уйгуров, вопреки их желанию, стали записывать узбеками. Конечно, такая несправедливость была связана с общим искажением национальной политики в нашей стране, и местные власти, с одобрения правительства, принимали целый ряд мер, чтобы как можно скорее ассимилировать национальные меньшинства. В результате целые народы только лишь в силу своей относительной малочисленности попадали в статистику под чужим именем. Так, если в 1926 г. в Ферганской долине, а точнее в Андижанском округе, было зарегистрировано 30.757 уйгуров, то в 1979 г. - только 11.867.

Но попытки насильственно ускорить процесс ассимиляции не всегда приводят к успеху. Сближение наций - процесс трудный, длительный, а главное, не подчиняющийся директивным документам и желаниям отдельных личностей,

хотя он объективно существует. Так было в прошлом, имеет место и в настоящем.

Рассмотрим процессы сближения между узбеками и уйгурами на территории Ферганской долины. Эти два народа близки друг другу и этногенетически, и в языковом, и в культурном отношении. Язык уйгуров, как и узбеков, относится к чагатайской группе тюркских языков. Более того, как предполагал К.К.Юдахин, ферганские узбеки и уйгуры были когда-то настолько близки друг другу, что говорили на схожих диалектах. И только многовековое раздельное существование этих близких народов привело к расхождению в языках ¹⁴. Б.А.Литвинский считает, что в древности и средневековье Средняя Азия (и в первую очередь Фергана) и Восточный Туркестан вообще представляли собой единый этнокультурный и исторический регион ¹⁵. Сближает эти два народа и единая религия – ислам суннитского толка, и давние политические, экономические и культурные контакты Ферганы и Восточного Туркестана ¹⁶.

Взаимовлияние узбеков и уйгуров и в прошлом, и в настоящем шло и идет по двум направлениям. С одной стороны, многие элементы материальной и духовной культуры уйгуров были восприняты узбеками (как и другими народами Ферганской долины), с другой, шла и продолжает идти естественная ассимиляция части уйгуров узбекским населением. Отдельным моментам интеграции ферганских уйгуров и узбеков в области материальной культуры уделила в свое время внимание И.В.Захарова ¹⁷. Г.Садвакасов проследил этот процесс в языковой сфере ¹⁸. Мне хотелось бы обратиться в этом плане к области религиозной обрядности.

Многие обряды, в том числе религиозные, особенно связанные с поклонением различным святым, сохранились до наших дней, естественно, далеко не в полной форме. Они продолжают играть определенную роль в жизни населения, во взаимоотношениях людей разных этнических групп. Но

поскольку корни их лежат в дореволюционном прошлом, необходимо обратиться к давно прошедшим временам, чтобы читателю было ясно, о чем идет речь.

Как было сказано, переселение большей части уйгуров в Ферганскую долину относится к ХУП и особенно к ХУШ – ХІХ вв. Одной из причин переселения была борьба кашгарских ходжей, а точнее двух ее враждебных партий, актаглыков (белогорцев) и каратаглыков (черногорцев), за власть в Восточном Туркестане. Особого накала эта борьба достигла при Аптак-ходже, главе партии актаглыков, жившего в ХУП в. и приобретавшего славу религиозного патрона и святого не только в Кашгарии, но и Средней Азии. Распри между ходжами пользовались сначала Джунгария, которая неоднократно захватывала (не без помощи ходжей) Кашгарию, а затем империя Цинов (Китай), завоевавшая в середине ХУШ в. и Джунгарию, и Кашгарию (опять-таки не без помощи ходжей) ¹⁹. С этого времени кашгарские ходжи неоднократно пытались вернуть власть в Восточном Туркестане и иногда безуспешно.

В периоды междоусобной борьбы, а также при столкновениях их с Цинами многие ходжи обеих партий вынуждены были вместе со своими мирдами и почитателями спасаться в сопредельных странах, и в первую очередь, в Фергане. В результате, к середине ХІХ века, по сообщению Ч.Ч.Валиханова, число фамилий кашгарских ходжей, расселенных в Маргилане и Коканде, превысило 200 ²⁰. Живущие в Коканде происходили от Сарымсак-ходжи (бежал в Коканд в 1758 г.) и принадлежали к белогорской линии. Маргиланские ходжи вели происхождение от Абдулла-и-Паттахан-ходжи и относились к черногорской линии ²¹.

Как уже говорилось, к началу ХХ века число уйгуров не достигало даже 57 тысяч, что в значительной степени объясняется ассимиляцией их узбеками.

Ассимиляция имела место, в первую очередь, в районах дисперсного расселения уйгуров. Но даже в районах

былого компактного проживания наблюдалось сначала резкое уменьшение численности, а затем и полное растворение среди местного узбекского населения. Так, анонимный автор начала прошлого века писал: "Город Шахрихан, незадолго перед тем основанный Умарханом (время правления Умархана - 1809-1822 гг. - С.Г.) и его окрестности почти исключительно населены кашгарцами. Их считают тут 20.000 семей в одном месте" ²². В середине XIX в. Ч.Валиханов уже писал, что в Шахрихане лишь более половины жителей составляют кашгарцы ²³. По административным же данным за 1890 год, в Шахрихане кашгарцев было зарегистрировано уже всего 304 человека (в самом селении) при общей численности населения в нем 2.273 человек ²⁴. Почти половина селения жителей селения Вуадиль, по свидетельству В.А.Парфентьева, были уйгурами, бежавшими в середине XIX в. из Кашгарии. В начале XX в. они считали себя уже узбеками рода "хина" ²⁵. К настоящему времени о былом расселении уйгуров во многих районах Ферганской долины свидетельствуют лишь воспоминания стариков, топонимика и антропонимика (среди узбеков Ферганы довольно распространены фамилии Аппаков, Ахунов, Анунджанов, имена Аппахан, Ахунджан и др. ²⁶).

Немаловажную роль в сближении уйгуров и узбеков, помимо прочих факторов, сыграли кашгарские ходжи, обособившиеся, как уже было сказано, в Кокандском ханстве. Все они были очень богаты и почитаемы, принимали подношения своих многочисленных мюридов - жителей Ферганской долины. Более того, по словам местного населения, "настоящими, истинными" ходжами в Фергане были именно кашгарские ходжи. Такие заявления связаны со столь большой популярностью кашгарских ходжей в Ферганской долине дореволюционного периода, что значимость ходжей иного происхождения значительно померкла в глазах ферганцев. Широкая известность кашгарских ходжей была связана, видимо, с тем, что в числе их мюридов были не только уйгуры, но и кирги-

зы, калмыки, горные таджики, полукочевые узбеки и даже сарты ²⁷.

Созданию вокруг кашгарских ходжей атмосферы сверхпочитания способствовали в немалой степени и сами они, их обряды. Так, например, обряд приготовления и вкушения ритуального блюда белогорских ходжей сукут "Хазрат Оппок-хужамнинг ошлари, т.е. "пищей нашего святого Аппак-ходжи" называли сукут мои информаторы) обставлялся так торжественно и сопровождался таким количеством предосторожностей и запретов, что невольно вызывал благоговейный страх перед этим таинством, особенно у тех, кто не имел права принимать участие в нем. Постоянно подчеркивалась необходимость в соблюдении идеальной чистоты и белизны (белая скатерть - дастархан, на котором готовилось это блюдо, белый фартук, который обязательно надевал приготовляющий сукут, белые полотенца, молочный, т.е. тоже белый чай и т.д.) во всем, что было связано с проведением обряда. Это должно было, по-видимому, свидетельствовать о том, что учение Аппак-ходжи (букв. "белейший ходжа"), которому посвящался этот ритуал, было чистейшим (белейшим), а значит, и истинным.

Обряд совершался во всех случаях, когда необходимо было прибегнуть к сверхъестественной помощи "святого" или отблагодарить за нее: перед обрезанием (за день до этого события), в период болезни какого-либо члена семьи, при дурном сне, после удачного исхода дела и вообще, когда решали на всякий случай помянуть Аппак-ходжу в надежде, что благодать его падет и на совершающих этот обряд.

Перед началом приготовления сукута совершали ритуальное омовение, одевались во все чистое, надевали белые фартуки, садились вокруг белой скатерти (дастархан) на чистые узкие одеяла (курпача). На скатерть клали продукты, из которых должны были готовить сукут (курдючное сало, муку, соль, молоко, сухой чай), над которыми духовное лицо (ахун) читал молитву, освящая их. Затем замешивали

неудобное пресное тесто и раскатывали из него небольшие сочни скалкой (секалак), предназначенной только для этого случая. Сочни обжаривали в растопленном курдючном сале, из которого извлечены выжарки. После этого в котел с оставшимся жиром (в ряде районов говорили, что котел обязательно должен быть чистым и сухим) наливали молоко, бросали сухой чай, соль, выжарки и кипятили. Делалось все это молча, говорили лишь при крайней необходимости (кстати, слово "сукут" во многих тюркских языках, в том числе и уйгурском, означает "молчание"). Причем все, начиная от замешивания теста и кончая приготовлением чая, должны были делать старики-ахуны. Во многих районах уже в начале века сукут готовили и пожилые женщины, что свидетельствует о трансформации обряда.

Варево в больших чашах (каса) подавали каждому присутствующему при обряде, которые крошили в него обжаренные сочни так, чтобы ни одна крошка не упала даже на скатерть, и, помолвившись, ели. После еды посуду вылизывали с помощью рук или, налив в чашу немного чая и ополоснув ее, выпивали этот чай. Делалось это для того, чтобы в чаше не оставалось ничего от сукута. В противном случае это было бы кощунством. Всю посуду, полотенца, скатерть ополаскивали в арыке в проточной воде, которая считалась сакрально чистой. В арыке же мыли руки и ополаскивали рот. Воду после мытья посуды и рук выливали в тот же арык, или в укромном месте во дворе, иногда прямо в доме, в уголке под паласом, где ничто бы не могло осквернить обмывки. Детям и молодым людям сукут не давали, так как они неосторожны и могли уронить крошки на землю, что якобы являлось величайшим грехом и было чревато плохими последствиями. В частности, считалось, что, если ребенок, не вымыв руки после вкушения сукута, заденет свое тело, то оно покроется болячками. Кроме того, ни дети, ни молодые люди не умеют читать молитв, а это необходимо было сделать перед вкушением сукута. Нельзя было есть сукут и "черни". Если же у них по-

являлась необходимость вспомнить Аппак-ходжу, они несли все нужные продукты ахунам (а со временем и старухам из рода белогорских ходжей), чтобы они от имени просителей совершили необходимый обряд.

Не имели права ни готовить, ни есть сукут каратаглыки (представители противоположной актаглыкам партии), а также представители иной национальности. Более того, они боялись даже думать об этом, так как вкушение запретного блюда грозило им болезнями, а в лучшем случае, у них могла выскочить лихорадка (герпес). Но слава Аппак-ходжи была так велика, что со временем его стали признавать и почитать в Фергане и те, кто когда-то отрицал его (например, каратаглыки), а сукут стали готовить почти все уйгуры, независимо от сословной принадлежности. Даже некоторые из ферганских ходжей, сартов по происхождению, тайно, а порой и явно, чтили Аппак-ходжу и при необходимости прибегали к испытанному и "надежному" средству актаглыков - сукуту. Сохранился этот обычай до наших дней.

Так, Ахмаджон Ходжаев (45 лет) из селения Темирходжа близ Андижана помнит, что его мать, будучи представительницей одной из известнейшей в Ферганской долине фамилии Майдони-ходжа, когда болели дети, тайно ходила к 96-летней старухе-уйгурке с необходимыми для сукута продуктами для того, чтобы та совершила в честь Аппак-ходжи обряд и помолилась за здоровье больных детей. Сама же просительница сукут не ела, так как ей, не уйгурке, есть его было нельзя. Назирахан Шакирова (узбечка 58 лет) из селения Боз Андижанской области рассказывала, что родители ее постоянно, когда резали барана, ездили к кашгарским ходжам, жившим в Маргилане (а здесь обосновались, как уже говорилось, в основном каратаглыки-ходжи), и привозили им курдючное сало для сукута, хотя отец ее сам был из местных ходжей.

Еще проще смотрели на это ходжи из селения Сайкальды

близ Кувы, предки которых (а они относились к ходжам рода Имам-А'зам, т.е. "великий имам") прибыли сюда из Маргилана. Буваходжа Султанов (1900 г.р.), в частности, утверждал, что сукут может есть любой верующий мусульманин, даже если он не уйгур. Но готовить его имел право не каждый. В их селении, по словам Султанова, был старец Якубджан-ата, который имел на это право, и все старики кишлака Сайкельди, независимо от национальной принадлежности, собирались у него для вкушения этого ритуального блюда. При этом Буваходжа Султанов признавал, что выучились местные узбеки у уйгуров.

Приобщение к этому обряду стало со временем для многих ферганских узбеков большой честью. Так, Амирахон Якубова из селения Кашгар близ Кувы рассказывала, что ее мать, будучи уйгуркой, как и многие уйгуры вообще в 20-е - 30-е годы, готовила сукут. Отец же Амирахон был сартом, причем из "черни", и не имел права принимать участия в этом торжественном обряде, хотя очень хотел. Но однажды он зарезал барана в честь Аппак-ходжи, пригласил всю махаллу и объявил всем, что хочет быть кашгарцем, как и его жена, и принимает ее национальность, а значит, отныне он будет иметь право вкушать сукут.

Ореол святости вокруг кашгарских ходжей со временем стал переноситься на всех уйгуров (многие информаторы в наши дни относят уйгуров вообще к представителям белой кости), что значительно упрощало контакты узбеков с мигрантами и облегчало их решимость даже на смешанные браки с пришлым уйгурским населением, чему способствовало численное превосходство узбеков, дисперсное расселение значительной части уйгуров в Фергане, и, наконец, определенная зависимость уйгуров от ферганцев. Так или иначе, но узбекско-уйгурские браки на рубеже XIX - XX вв. в Ферганской долине уже были.

В советское время ко всем прочим факторам, способствовавшим смешанным узбекско-уйгурским бракам, прибавился

еще один и весьма существенный. В 30-е годы уйгурских юношей не брали в армию, поэтому многие узбечки выходили замуж за уйгуров, чтобы уберечь в будущем своих сыновей от военной службы. Об этом нам с А.Н.Жилиной и Т.Н.Томиной в 1988 г. сообщили в г.Узгене Умарали Маллабеков (83 года, узбек), Уртаджи Раимов (82 года, узбек), Хамза Алимджанов (83 года, узбек) и Атаджан Алимов (узбек, 94 года).

И действительно, из 351 брака, зарегистрированного только по Узгенскому райбюро в 1927-1935 гг. (многие браки тогда вообще не регистрировались), межнациональных было 56, в том числе 40 - между уйгурами и узбечками (для сравнения: 5 браков было между киргизами и узбечками, 4 - между таджиками и узбечками и т.д.). Из 142 зарегистрированных браков в 1937 году межнациональных было 13, в том числе 8 - уйгуро-узбекских и т.д. В настоящее время таких браков еще больше, особенно в районах, где уйгуры живут небольшими группами среди узбекского населения. Этому способствуют совместная учеба молодых людей в вузах и техникумах, работа, все больше распространяющаяся традиция вступать в брак по любви, отсутствие среди уйгур того или иного района пары брачного возраста и многие другие факторы. Правда, в районах компактного расселения уйгуров, например, в Пахтаабадском районе Андижанской области, где проживает около 15 тысяч уйгуров, смешанных браков почти нет.

Доланы. Вместе с уйгурами в Ферганскую долину прибыли и доланы - этнографическая группа в составе уйгуров. В одной из своих работ Ч.Валиханов писал, что в 50-х годах XIX в. в Юкандское ханство переселилось 24 тысячи уйгуров, в том числе 9 тысяч доланов, которые осели между Шахриханом и Карасу³⁸. И действительно, на всем протяжении от Шахрихана (близ Андижана) до Карасу (близ г.Ош) имеются одноименные селения, свидетельствующие о расселении здесь доланов: в 6 км от Шахрихана - селение

Долан, два одноименных селения расположены в Ленинском, два - в Ходжаабадском, одно - в Джалакудукском районах Андижанской области и, наконец, старое название районного центра Карасу тоже было Долан²⁹ (Карасу, о котором упоминал Ч.Валиханов, находилось рядом).

Население этих кишлаков помнит о том, что их предки были доланами. Об этом же свидетельствуют жители соседних селений, в частности, уйгуры. В большинстве своем доланы, по словам информаторов, выходцы из кашгарских городов Яркенд, Хотан, Маралбаши, Янгисар, Оват, Меркит, а не из Кашгара. Эти сведения совпадают с литературными данными о месте бывшего расселения доланов в Восточном Туркестане³⁰.

Доланы относят себя к одному из уйгурских подразделений (дулан-тупи). Родным языком считают уйгурский, хотя отмечают, что язык доланов несколько отличается интонацией, он несколько грубее. Правда, Э.Р.Тенишев считает, что это тот же уйгурский язык без каких-либо специфических особенностей³¹.

Основным занятием на родине было земледелие у одних групп³² и овцеводство у других³³. В Ферганской долине они, как и местное население, занимаются земледелием, преимущественно хлопководством. Говорят в настоящее время в основном на узбекском языке, дети учатся в узбекских школах, носят такую же одежду, что и местные жители, живут в домах ферганского типа. Мало отличаются от окружающего узбекского населения. Хотя доланы считают себя уйгурами, но в брачные отношения с другими группами уйгуров раньше не вступали, тем более с узбеками и другими народами. В настоящее время стали смотреть на смешанные браки проще.

Еще - одна небольшая этническая группа, называющая себя в настоящее время уйгурами, живет в Ферганской долине. По литературе на территории Ферганы о ней известно очень мало. Лишь В.И.Кушелевский мимоходом отметил в сво-

ем труде "небольшой народец" ага, которых называл еще кашгарскими цыганами³⁴. В.П.Наливкин, а вслед за ним И.И.Гейер привели легенду о том, как пленным персам, поселенным в Ферганской долине в XVI веке, были розданы в жены кашгарские цыганки рода ага³⁵.

Мое знакомство с этой интересной группой началось с легенды, услышанной в селении Акбура близ Андижана. Давным-давно, когда жил известный Аппак-ходжа, представитель одной, тогда еще безымянной, группы преподнесли своему патрону вырезанную ими деревянную чашку - аяк³⁶. Выпил Аппак-ходжа из этой чашки воды - а она ледяная. Понравилось ему. И назвал он эту группу аякчи, т.е. "специалисты по выделыванию деревянной посуды". Другую же группу, представители которой поднесли Аппак-ходже бусину, он назвал повон³⁷.

Судя по легенде, в Восточном Туркестане существовали две близкие друг другу этнические группы - аякчи и повон, одна из которых занималась, видимо, деревообделочным ремеслом, а другая - ювелирным или мелочной торговлей³⁸. Самоназвание этих групп, помимо указанных - еще и ага. Кроме того, они считают себя одним из подразделений уйгуров, хотя старшее поколение все-таки четко отличает себя от последних. Представители же молодого поколения считают себя уйгурами. Правда, сами уйгуры не признают повонов и аякчи родственными себе группами. Узбеки именуют ага "кашгарлыками", т.е. "кашгарцами", как и вообще всех выходцев из Восточного Туркестана.

Родным языком повоны и аякчи считают уйгурский, но употребляют в речи и значительное число лексем, отсутствующих в уйгурском языке. Мой информатор, уйгур, живущий по соседству с повонами и аякчи, в качестве примера привел два слова: сухолла "бей" и газла "ругай"³⁹. Являются ли эти лексемы элементами секретного языка, сказать пока трудно, но уйгуры утверждают, что многого не понимали в их речи. Отличались друг от друга язык повонов и аякчи.

Но различия, судя по объяснениям информаторов, в основном интонационного характера. В настоящее время эти группы, как и уйгуры, говорят на узбекском языке.

Раньше повоны и аякчи вели бродячую жизнь, передвигаясь небольшими группами по несколько родственных семей. В конце XIX – начале XX в. они начали постепенно оседать, хотя элементы прежней бродячей жизни долго сохранялись и после революции.

Прибывали отдельные группы кашгарских цыган, бежавших от засилья китайского правительства. В своих рассказах они, как и уйгуры, упоминают о смутных временах в Кашгарии, относящихся к началу и середине XIX в. Почти все повоны называли родиной своих предков кашгарское селение Поктак или Повон, а аякчи – Буйрактай. По разрешению кокандского хана беженцы поселились в окрестностях Ассаки, недалеко от Андижана. Эти места привлекли их густыми тугайными зарослями, напоминавшими о родине. Кроме того, здесь в изобилии росли турангул и ива, ветви которых служили основным материалом для плетения корзин. Затем часть из них переселилась в окрестности Коканда и другие районы. В настоящее время, по полевым данным, группа ага живет компактно в кварталах Повон и Аякчи селения Акбура (примерно 100 семей), в квартале Повон соседнего селения Кызылаяк (80 семей). Около 60 семей повонов живет в Коканде. Несколько семей зарегистрировано мною и в Базаркурганском районе Ошской области, одна семья – в Гулькишлаке Туркурганского района Наманганской области. За пределами Ферганской долины, по словам информаторов, около 50 семей живет в совхозе "Учкюв" Тойтепинского района Ташкентской области и около 10 семей в селении Караболти Фрунзенской области Киргизской ССР.

Как видим, кашгарских цыган в Ферганской долине в настоящее время не очень много. Их было мало и в Восточном Туркестане. М.В.Певцов в прошлом веке писал: "К числу оседлых обитателей Кашгара принадлежат еще около 300 се-

мейств цыган, из которых 270 проживает в Кашгарском оазисе, а остальные 30 – в Яркендском" ⁴⁰. Но, несмотря на свою малочисленность, они сумели найти место среди населения долины и вложить свой вклад во внутрихозяйственный обмен, существовавший в Фергане на рубеже XIX и XX веков и сохранявшийся в значительной степени в первые годы советской власти.

В характере основных занятий этих двух групп были свои особенности. Основным занятием группы аякчи на территории Ферганской долины, как и на их родине, в Восточном Туркестане, было плетение из ветвей ивы и турангула корзин различной формы и назначения, кузовов для арб, изготовление из ореховой древесины ленточек для седел, деревянных лопат, чашек различной величины, деревянных калош на трех ножках (хаккаль-ковуш, буяв. "сорока-калоши"), которые носили в дождливую погоду, а также шитье хомутов, потников и других предметов конской сбруи из кожи ⁴¹. Причем изделия из дерева и кожи делали в основном мужчины, а плели корзины женщины и дети. Занимались ли аякчи изготовлением сит, решет, бубнов, сказать трудно, так как сами аякчи и родственные им повоны отрицают это (этим видом ремесла якобы занимались среднеазиатские цыгане – люли, с которыми, по утверждению информаторов, ага не имели никакой связи). Однако живущие по соседству уйгуры утверждают обратное. При этом женщины, по их словам, плели сита, а мужчины гнули ободья. Вполне возможно, что к настоящему времени этот вид ремесла утрачен. Сейчас сохранилось только плетение корзин, которые, в отличие от каракалпакских и узбекских, ценились и ценятся в Ферганской долине как изделия высокого класса. А сами аякчи известны среди местного населения в основном под названием саватчи, т.е. "мастер по плетению корзин". Более того, в настоящее время все аякчи из селения Акбура объединены в бригаду по плетению корзин при Андижанской фабрике художественных изделий (работа надомная), а их работы постоянно демонстри-

рутся на выставках узбекского народного искусства ⁴².

Повоны занимались в прошлом, подобно среднеазиатским цыганам мазанг, отчасти ювелирным ремеслом, отчасти мелочной торговлей. Ювелиры выделяли дешевые украшения из меди — кольца, браслеты, серьги и т.д., возможно и бусы. Их называли заргар ("ювелир") или мунчокчи ("специалист по изготовлению ожерелий из бус"). Вспомним, что по легенде, повоны поднесли Аппак-ходже бусину. Кроме того, одним из видов их занятий была торговля вразнос галантерейным и парфюмерным товаром (нитками, иголками, красками и т.п.), а также местной жевательной смолой (сакич), леденцами.

Сбытом своих изделий аякчи и повоны занимались сами: до революции и в 1920–30-е годы продавали и обменивали в основном по дворам, разъезжая на арсах, запряженных ослом (лошадь была у более зажиточных), или просто на осле. На базаре продавали редко. Поскольку их товар предназначен был прежде всего женщинам, продажей занимались представительницы женского пола: аякчи с пирамидой из восьми-десяти корзин на голове, а повонки — с хурджунами из алачи (мешки из хлопчатобумажной полосатой ткани) через плечо. Мужчины в это время караулили арбу. Даже на базаре продажей больше занимались женщины, а мужчины сидели рядом.

В поисках мест сырья, а также для успешного сбыта своих изделий кашгарские цыгане отправлялись всей семьей на несколько месяцев и даже лет в отдаленные районы, доходя в своих поездках до самых дальних районов Ферганской долины и даже до Ташкента и Фрунзе. При этом аякчи предпочитали районы, богатые тугайными зарослями, например, берега Сырдарьи, изобилующие ивой и турангой, где делали для тамошнего населения корзины, а повоны отправлялись чаще в горные районы к полукочевникам, где обменивали керамическую посуду, предварительно купленную, на зерно и шерсть, а свой немудреный товар — на утиль. Последний

сдавали в пункты по заготовке утиля. Ни нищенством, ни знахарством, по свидетельству информаторов, эти группы не занимались, считая то и другое недостойным ремеслом.

К концу XIX — началу XX в. некоторая часть повонов стала переходить к земледельческому труду, который долгое время сочетали со своим основным ремеслом. Нишанбай Фазылов (повон, 1900 г.р.) рассказывал, что его отец имел 4 танапа земли (танап в Ферганской долине равнялся 1/6 гектара), что, конечно, было мало. Сам информатор, по этой причине вынужден был идти в издолычки. Судя по тому, что Нишанбай Фазылов разбирается в тонкостях земледельческого труда, можно думать об определенной потомственности в этом виде деятельности. Ни повоны, ни аякчи в прошлом не знали ткачества, выучились этому ремеслу у узбеков в период Первой мировой и Гражданской войн, когда исчезновение менуфактуры вынудило заниматься этим ремеслом очень многих. В настоящее время повоны, живущие в селениях Акбура и Кызылайк, — колхозники, а жители Коканда работают на различных предприятиях. В свободное время повоны Коканда продолжают заниматься традиционным ремеслом и продают свои украшения из меди и алюминия оптом или в розницу. Кстати, одним из оптовых покупателей их изделий являются мазанги, которые сами делают подобные вещи. Аякчи же из селения Акбура, как уже говорилось, продолжают и в настоящее время заниматься своим традиционным ремеслом — плетением корзин.

Жили кашгарские цыгане уже в конце прошлого — начале настоящего века в глинобитных домах. Но в весенне-осенние дождливые дни, когда начинала протекать крыша в домах, они временно переселялись в шалаши из дугообразных согнутых ветвей ивы. Верх шалаша покрывали мелкими ветвями той же ивы, камышом, который рос в изобилии в тугайных зарослях, сухой травой и даже войлоком. Вход в шалаш закрывали не плетеной циновкой, а полотнищем из камыша или куском старого паласа. Летом тоже любили переселяться в шалаш,

так как в нем, по свидетельству информаторов, было прохладнее, чем в домах. В холодное время года в шалаше (ближе к выходу) разжигали костер. Для приготовления пищи над костром устанавливали треножник. Все это заставляет предполагать, что исконным жилищем кашгарских цыган был шалаш, а глинобитные дома появились у них после оседания под влиянием местного населения. При этом в одном дворе, обнесенном глинобитной стеной, жило часто несколько родственных семей, ведших раздельное хозяйство. Такой двор назывался курган. В период поездок по населенным пунктам (а отправлялись чаще всего на весенне-летне-осенний период) они устраивались в пустовавших домах отходников или, по договоренности, в одном из свободных домов местных жителей. Вне населенного пункта на ночь старались не останавливаться: шатров у них не было. В крайнем же случае устраивались спать на арбе.

Одежда как мужчин, так и женщин, также не отличалась от общеферганской. Но старые повонки 1920-30-е гг. еще носили на голове небольшие торбаны (лякки) из квадратного белого платка. На торбан накрывали белый же платок большего размера. Женщины-аякчи торбаны не носили, а только платки, сложенные треугольником. Один из повонов говорил по этому поводу с оттенком некоторого превосходства: "Яланг юрар эдилар" (букв. "ходили непокрытыми", т.е. без торбанов). Паранджу женщины-ага, в отличие от узбечек и таджичек, не носили. Татуировкой себя не украшали, но дешевые браслеты, кольца, серьги любили.

Повоны и аякчи давно уже пользуются керамической, фарфоровой посудой. Но раньше пользовались преимущественно деревянной посудой, которая более удобна при бродячем образе жизни. Отголоском этого служит свидетельство одного из повонов о том, что есть из деревянной посуды было богоугодным делом (саваб), и потому кашгарские цыгане стараются при случае купить деревянные чаши у

киргизов, которые в наши дни делают их, в основном, для собственных нужд.

Кашгарские цыгане - мусульмане-сунниты, но отношение их к религии и раньше и теперь - более чем индифферентное. Необходимые обряды совершались и совершаются в облегченном виде. Даже к Аппак-ходже, который, судя по легенде, дал им имя (а значит, и самоназвание), относились спокойно, без трепета, а к ритуальному блюду - сукуту - как к обычной пище.

И аякчи, и повоны - группы эндогамные. В брачные союзы в конце XIX - начале XX в. не вступали не только с уйгурами, узбеками, но и между собой. Более того, запрет на браки между повонами и аякчи был даже более жесткий, чем с представителями других национальностей. Правда, в начале века эндогамия уже начала нарушаться. Но при этом, если и допускалась женитьба на узбечках, например, то своих дочерей старались узбекам не отдавать. Хотя были и исключения. Так, мать одного из информаторов была аякчи (1900 г.р.), а отец был узбеком (1886 г.р.).

Стремление вступать в браки только в своей среде в значительной степени сохранилось до наших дней. Предпочитались всегда кузенные браки. По этому поводу у повонов существует поговорка: "Тоганинг ямаги тогага" (букв. "Заплата одного дяди по матери для другого дяди по матери"), что означало предпочтительность браков внутри близкородственной группы. Единственным условием при этом было, чтобы вступающие в брак не были молочными братьями и сестрами.

Строгая эндогамия усиливала замкнутость аякчи и повонов и замедляла естественные процессы сближения не только с узбеками, но и уйгурами Ферганы. Однако в настоящее время процесс стирания былых границ, начавшийся в конце прошлого века, усилился. Зарегистрированы браки не только между ага и узбеками, уйгурами, но и между пово-

нами и аякчи.

Дунгане, как и уйгуры – выходцы из Восточного Туркестана. Самоназвание ферганской группы – "тунгян". Называют себя еще "момин", что адекватно слову "мусульманин" ⁴³. По словам информатора Каримджана Лебизова (дунганин, 1913 г.р., район Карасу Ошской области), дунгане делились на подразделения (шин): шин ма (т.е. подразделение ма), шин ёнг (подразделение ёнг), шин цуй (подразделение цуй) и т.д. Сам информатор из подразделения ма (шин ма).

Основной причиной появления дунган в Ферганской долине было поражение антифеодального восстания дунган в 1862–1878 гг. в северо-западном Китае. Прибывали в Фергану несколькими волнами (вместе с уйгурами). Одна группа, как рассказывал Кадирджан Лебизов, бежала из Урумчи зимой 1877–1878 гг. Эту группу привел будто бы ма'дарин (мандарин) Сайфутдин кори. При переходе через перевал Терек-Даван многие погибли от холода, лишений, многие обморозились настолько, что стали инвалидами. В Оше дунган встретили и приютили русские. Но в этом городе осталась лишь небольшая часть прибывших, большинство переехало в Андижан, Скобелев (ныне г. Фергана), Ташкент, Джамбул, Пржевальск. Действительно, как свидетельствует архивный материал, в конце 1877 г. в пределы России эмигрировало 12 тысяч уйгуров (кашгарцев) и дунган. Из них около 7 тысяч – в Семиреченскую область, а остальные – через Ош в Ферганскую область Русского Туркестана ⁴⁴.

Русские власти предполагали поселить их в Гульчинской долине, приобретя для этого у киргизов отделений Аджикбек-оглы и Тауке часть их земель ⁴⁵. Но дунгане к марту 1879 г. разошлись из Оша на заработки по городам Ферганской области, в Ташкент, Семиречье ⁴⁶. Основным их занятием были различные ремесла (они были великолепными кулиарами, поварами, чинили фарфоровую посуду, занимались врачеванием) и товарное огородничество. Поэтому они

стремились остаться в городах и пригородных селениях, где был бы спрос на их товар.

Уже в советское время, а именно в 1925 г. большая часть дунган Ферганской долины стала стягиваться в район Карасу Ошской области. Эта территория была частью киргизских пастбищ, переданных государством дунганам для создания дунганского поселения (узбеки, преимущественно из Оша, здесь появились гораздо позже, в 1929–1932 гг.). Со временем на основе этого поселения был создан дунганский колхоз "Кызыл Шарк" ("Красный Восход"). Сейчас он носит имя одного из бывших председателей колхоза дважды Героя Социалистического Труда дунганина Хаит-ахуна Таширова.

По переписи 1979 г. в Ферганской долине было около 900 дунган. Из них 103 семьи (т.е. примерно 600 человек) живут, по словам информаторов, в колхозе им. Х. Таширова. Остальные небольшими группами в несколько семейств – в Андижане, Фергане, Карасу и их пригородах.

До 1936 г. дунгане Ферганской долины говорили на родном языке, функционировали дунганские школы. Но со временем они, как и уйгурские школы, были закрыты, и дети вынуждены были учиться в основном в узбекских школах, иногда в русских. В результате, а также в силу относительной малочисленности дунган в этом регионе они к настоящему времени почти полностью утратили родной язык и перешли на узбекский. Молодежь, особенно городская, хорошо владеет русским языком.

Довольно долго у дунган района Карасу сохранялась национальная одежда: женщины носили широкие хлопчатобумажные кофты с красочной вышивкой, штаны с широким шагом, верхний халат особого покроя и матерчатые туфли, также украшенные строчкой или вышивкой. Мужской костюм состоял из нижней рубахи типа куртки, халата, широких штанов, круглой шапочки и матерчатых туфель. Повседневные штаны у женщин и мужчин были темных тонов, часто, видимо, си-

него цвета, за что окружающее местное население называло их "Латта ковуш, кук штон", т.е. "тряпичные калоши, синие штаны". Постепенно дунгане, живущие в сельской местности, перешли на узбекскую одежду, горожане - на европейскую.

Национальные блюда сохраняются у дунган Ферганской долины до сих пор. Лагман и манты (букв. "мясо в кучке") давно уже стали излюбленными блюдами жителей всей Средней Азии, независимо от национальности. Кроме них, дунгане готовят сомян (блюдо, похожее на лагман, но с более жидким соусом), лёнфун (крахмальный кисель, залитый мясным соусом), мянпанз (оторванные кусочки теста в мясном бульоне), ашлянфу (лапша из бобового крахмала), различными способами приготовленные овощные, мучные блюда, приготовленные на пару, и т.д. Широко употребляют дунгане огородные культуры, которые местное население раньше не выращивало: джусе (огородная черемша), бице, чинше и др. Довольно часто в настоящее время они готовят и национальные блюда узбеков, киргизов и других народов Ферганской долины.

Жилище дунган в настоящее время ничем не отличается от домов местного типа, тем более, что многие из них строятся по типовому проекту. Но до недавнего времени обязательным элементом интерьера был кан - обогреваемая глинобитная лежанка, занимающая почти всю комнату. Кан был заимствован у дунган и окружающими их узбеками: уж очень удобен он был в зимние холода.

Жили дунгане вначале довольно замкнуто. Даже хоронили они вплоть до 1920-30-х гг. на разных с узбеками и киргизами кладбищах (возможно, и потому, что местное ферганское население не разрешало им хоронить на своих кладбищах), хотя дунгане тоже были мусульманами-суннитами, как узбеки и киргизы. В Оше, например, было отдельное дунганское кладбище Салмазар. Теперь дунгане хоронят на общем мусульманском кладбище.

К брачным союзам тоже были определенные требования. Жестко придерживались правила: не отдавать своих девушек представителям других национальностей, хотя сами могли жениться не только на дунганках. Сейчас, по словам информаторов, обузбечились настолько, что узбекско-дунганские браки стали вполне естественными.

Таким образом, длительная жизнь уйгуров и дунган в Ферганской долине, в первую очередь среди узбеков, не прошла бесследно для всех этих народов. Она обогатила материальную культуру тех и других. Определенная часть уйгуров и дунган была поглощена более многочисленным узбекским населением в результате естественных ассимиляционных процессов. Но немалая часть (там, где они имели возможность селиться компактно) сумела сохранить язык, некоторые обычаи, традиции и свое самосознание.

Литература

1. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985, с.112, 114.
2. Там же.
3. Там же.
4. Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии. - Сочинения в 5-ти т.т., т.П, Алма-Ата, 1962, с.172.
5. Статистический обзор Ферганской области за 1907 год. Скобелев, 1909, Приложение 2.
6. Торговля в Ферганской области по данным Статистического обзора Ферганской области за 1907 год. - Туркестанский сборник, т.506, с.143.
7. Неприятности из Кашгара. - Туркестанский сборник, т.506, с.82-83.

8. Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, Приложение 3.
9. Сологубов И. Китайские трудящиеся в революционном Туркестане. - "Звезда Востока", № 10, 1960, Ташкент, с.153.
10. О расселении уйгуров в советское время в Ферганской долине см.: Винников Я.Р. Современное расселение народов и этнографических групп. - Среднеазиатский этнографический сборник. Т.П, М., 1959, с.390; Захарова И.В. Материальная культура уйгуров Советского Союза. - Среднеазиатский этнографический сборник, П, 1959, с.215-216; Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины, Алма-Ата, 1970, с.3; Он же. К вопросу о взаимодействии уйгурских и узбекских говоров Ферганы. - В кн.: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980, с.96; Исхаков Г.М., Решетов А.М., Седловская А.Н. Современные этнические процессы у советских уйгуров, - Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана, с.74.
11. Амитин-Шапиро З.Л., Яблов И.М. Национальные меньшинства Узбекистана. Очерки социалистического строительства. Ташкент, 1936, с.116.
12. Троицкая А.Л. Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы Среднеазиатских республик. - "Советская этнография", 1937, № 4, с.146.
13. Сологубов И. Указ. раб., с.156, 157.
14. Одахин К.К. Уйгуро-узбекские языковые связи. - Известия АН Каз.ССР, № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, вып. I, Алма-Ата, 1950.
15. Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности). - В кн.: Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984, с.23.

16. См. в частности: Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в конце ХУП - первой половине XIX в. М., 1983; Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984; Восточный Туркестан в древнем и раннем средневековье. М., 1988, и др. Там же приведена и литература.
17. И.В.Захарова. Указ. работа.
18. Садвакасов Г. К вопросу о взаимодействии ...
19. О значении ходжей в Восточном Туркестане и междоусобной борьбе их см.: Центральный государственный военно-исторический архив, ф.400, оп. I, д.4682, л.л. 55-148; Валиханов В.В. Очерки Джунгарии. - Сочинения, т. I. Алма-Ата, 1961; Он же. Материалы и исследования о Кашгарии. - Сочинения т.П, Алма-Ата, 1962; Риттер К. - Григорьев В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб, 1873, с.355-474; Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1879, с.82-148; Кашгария и перевалы Тянь-шаня. Путевые заметки Н.Зеланда. Омск, 1888; Салахетдинова М.А. Сочинения Мухаммад-Садыка Кашгари "Тазкира-и Ходжаган (Жизнеописание ходжей)" как источник по истории киргизов. - "Известия АН Кирг.ССР", серия общественных наук, т. I, вып. I, 1959; Гуревич Б.П. Указ. раб., с.58, 153-160.
20. Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, с.369.
21. Там же, с.367.
22. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. - "Записки Русского географического общества", III, СПб, 1848, с.228.
23. Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, с.222.
24. Центральный государственный архив исторический Уз.ССР, ф.23, оп. I, д.532, л.231а.

- При этом нужно учесть, что при образовании Шахрихана он был заселен пленными уратобинцами.
25. Парфентьев В.А. Селение Вуадиль. — Ежегодник Ферганской области, т.Ш, 1903, с.59.
 26. Происхождение антропонимов Аппак-ходжа, Аппаков связаны с упомянутым "святым" Аппак-ходжей. Ахунами же (ср. имя Ахунджан уйгуры называли своих духовных лиц или представителей "белой кости", т.е. ходжей. Со временем это слово стало общепринятым прозвищем вообще уйгуров, особенно в Фергане.
 27. Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, с.369; Полевой материал автора.
 28. Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, с.222, 335, 338-339.
 29. Узбекское население часто называет эти селения Дулона (узб. дулона — боярышник). В таком же написании они встречаются на картах.
 30. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб, 1888, с.488; Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, с.389; Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. — Известия АН Каз.ССР, отделение общественных наук, вып.3, Алма-Ата, 1965, с.57; Тенишев Э.Р. Доланы и их язык. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку, т.1, Алма-Ата, 1965, с.94.
 31. Тенишев Э.Р. Указ.раб., с.99.
 32. Тенишев Э.Р. Указ.раб., с.96.
 33. Гедин С. В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан, т.1, СПб, 1899, с.335; Валиханов Ч.Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, т.П, с.369.
 34. Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т.П,

- Новый Маргилан, 1891, с.158.
35. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, с.23; Гейер И.И. Весь Русский Туркестан, Ташкент, 1909, с.253. Вопрос об общности ага и ферганской группы среднеазиатских цыган пока не выяснен. Но в литературе имеются сведения о связи цыганообразных групп Средней Азии, в частности Ферганы, с территорией Индии и Восточного Туркестана (Оранский И.М.). Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование. М., 1983, с.25.
 36. Одно из значений аяк/аяг во многих тюркских языках "чаша, посуда" (Савортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. В Кашгарии же так называли чаши средней величины (Гедин С. В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан, т.1, СПб, 1899, с.456.
 37. Этимология слова "повон" пока неясна.
 38. Ср. с группами среднеазиатских цыган тавоктарош "мастер по выделыванию деревянной посуды" и мазанг, которые занимались отчасти ремеслом, отчасти мелочной торговлей (Назаров Х.Х. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на положение и быт среднеазиатских цыган. Автореф. канд. дисс. М., 1970, с.9,10; Оранский И.М., Указ.раб. с.8.
 39. Ср. Сохилмоқ — "бить", вохил — бей" в языке абдалов Восточного Туркестана (Троицкая А.Л., Abdol-tili — аргот "цеха артистов и музыкантов Средней Азии. — "Советское востоковедение", т.У, 1948, с.273.
 40. Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Дунь, М., 1949, с.112.
 41. М.В.Певцов писал: "Они (цыгане — С.Г.) занимаются преимущественно плетением корзин и отчасти барышничеством" (Певцов М.В. Указ. раб., с.112).

42. Аякчи и повоны так же, как и уйгуры, называют себя в настоящее время еще и узбеками.
43. Мумин - букв. "верующий, правый (мусульманин)".
44. ЦГИА, ф.400, оп.1, д.838, л.1;
ЦГИА УССР, ф.И-1, оп.16, д.2363, л.59, 60, 106.
45. ЦГИА, ф.1, оп.1, д.2363, л.236.
46. ЦГИА, ф.1, оп.16, д.2363, л.238;
ф.17, оп.1, д.579, л.29, 33.

Ниязов Д.М.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЕВРЕИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

В Средней Азии, в частности в Узбекистане, с древних времен проживают среднеазиатские евреи. Сами себя они называют "яхуди" или "исроэл". До Великой Отечественной войны наряду с терминами "среднеазиатские, бухарские, местные евреи" употреблялся термин "туземные евреи". История появления евреев в Средней Азии такова:

В Западной Азии на территории Палестины в VIII в. до н.э. существовали два маленьких царства: Израильское и Иудейское. В 722 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II завоевал Израильское царство и положил конец его существованию¹. Все население этого царства было переселено в Мидию и Северную Месопотамию, где и растворилось среди других народов. Вавилонский царь Навуходоносор II в 586 г. до н.э. завоевал Иудею, выселил оттуда евреев и поместил их в Вавилонии². 47 лет спустя персидский

царь Кир II Ахеменид завоевал Вавилонию и Иудею, бывшая провинция Вавилонии, стала частью Персидской империи. Затем Иудею завоевывали Александр Македонский, Птолеми и Селевкиды, греки и римляне. Восстание евреев против римского владычества 66-73 гг. н.э. закончилось жестоким поражением³. Большое количество иудеев было продано в рабство, многих отправили на каторжный труд в египетские рудники, использовали для боев с гладиаторами и борьбы с хищными зверями⁴. Восстание иудеев в 132-135 годах под предводительством Бар-Кохбы окончилось неудачей⁵. Римляне подвергли население Иудеи массовому ограблению и уничтожению. Большое число участников восстания бежало в Малую Азию, Грецию, Ирак, Аравию и даже Армению. Таким образом, произошла окончательная диаспора (рассеяние) евреев по всему миру.

Миграция евреев из Ирана и из сопредельных с ним стран в Среднюю Азию шла еще до начала нашей эры⁶. Но, начиная с V в. н.э., в Иране усиливается налоговый гнет, растут различные поборы и повинности, усиливаются религиозные гонения. Все это послужило причиной восстания евреев в начале 20-х годов VI в., которое возглавил эксиларх Мар-Зутра II. Это восстание, продолжавшееся семь лет, было подавлено в 529 году⁷. Преследование восставших евреев, жестокая расправа с ними, религиозные гонения, высокие налоги, разорение мелких землевладельцев - вот основные причины, в результате которых многие евреи были вынуждены переселяться в Мерв (ныне Мары), Шахрисабз, Кермине, Бухару, Самарканд и другие города Средней Азии.

В письменных исторических источниках, относящихся к IX-XVI векам, о евреях упоминают: Макдиси, Маршахи, ибн Хаукаль, Низами Арузи Самарканди, Джурджани, Сейди Али Раис, Фазлаллах Ибн-Хордадбех (820-912 гг.) отмечали, что еврейские купцы, совершая путешествия в далекие страны Запада и Востока, помогали народам обмениваться достижениями своей культуры⁸.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЯ ИМЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

16. В. С. Орелкин, Археологические находки в расположении г. Тэхзыбын.
17. «Памятники культуры Грузинской ССР, взятые государством под охрану», Тбилиси, 1959.
18. Н. Пигулевская, Византия на путях в Индию, 1951.
19. Я. Рейнеггс, Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа, СПб., 1797 (на нем. яз.).
20. В. Сизов, Восточное побережье Черного моря, — «Материалы по археологии Кавказа», вып. II, М., 1889.
21. Л. Н. Соловьев, Диоскурия — Севастополис — Цхом, — «Труды Абхазского государственного музея», вып. I, Сухуми, 1947.
22. Дж. О. Томсон, История древней географии, М., 1953.
23. М. М. Трапш, Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми (1951—1953 гг.), — «Советская археология», т. XXIII, 1955.
24. П. К. Услар, Абхазский язык, Тифлис, 1887.
25. А. А. Цагарели, Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, СПб., 1891, т. I.
26. А. А. Шервалдзе, Л. Н. Соловьев, Раскопки Севастополиса, — «Советская археология», 1960, № 3.

С. С. Губаева

БАБУР И ТОПОНИМИЯ

«Бабур-наме» представляет собой один из замечательных исторических, географических и литературных памятников прозы на узбекском языке конца XV и начала XVI в. Книга эта содержит в высшей степени ценный материал не только для историка, географа, этнографа, литературоведа и языковеда, изучающих общественный строй, быт феодального государства Тимуридов, но и для топонимиста.

В «Бабур-наме» очень много различных этимологий географических названий. Например: «Одно из подчиненных Ходженду [местечек] — Кандибодом... Миндаль в нем превосходит, по этой причине назван таким именем» [1, 14; 3, 62]. В «Бабур-наме» название этого населенного пункта дано в произношении того времени. К настоящему времени в результате фонетических изменений это название превратилось в *Канибодом*.

В тюркских говорах конечный глухой согласный, в частности звук *т*, может выпадать в произношении. Это явление (апокопа) рассматривается в качестве одного из признаков народной речи, например: *паст* → *пас* 'низкий', *дашт* → *даш* 'степь', *джупт* → *джуп* 'пара' и т. д. Часто выпадает и конечный звонкий звук *д*. При этом происходит сначала оглушение, а затем и полное исчезновение его [8, 243; 4, 236]. Например: *баланд* → *балант* → *балан* 'высокий'; *Тошканд* → *Тошкант* → *Тошкан* 'Ташкент'.

Топоним *Кандибодом* состоит из двух компонентов: *канд* 'город' и *бодом* 'миндаль'. В первом компоненте выпал конечный *д* и получилось *Канибодом*. В связи с этим изменилась и этимология. *Кандибодом* осмысливается как 'город миндаля', *Канибадам* же (узб. *Конибодом*) означает 'место, богатое миндалем', 'месторождение миндаля' (кон 'рудник, месторождение').

А вот другое объяснение географического названия у Бабура: «Еще один округ Карши, который называют Несеф и Нехшеб. Карши — монгольское название; кладбище на монгольском языке будет „карши“. Вероятно, такое наименование появилось после завоевания [Мавераннахра] Чингисханом» [1, 64; 3, 108]. Сейчас это название этимологизируется иначе. Считается, что название города восходит к слову «дворец» (монг. *карши* 'замок', 'дворец'), имеется в виду дворец хана Кебека [2, 450].

Но не только подобного рода прямые этимологии привлекают внимание топонимиста к этой книге. «Бабур-наме» написана на староузбекском языке, поэтому в ней мы найдем много слов, которые исчезли из современного узбекского языка, но сохранились в топонимах. Например, в «Бабур-наме» употребляется географический термин *язи* 'степь', 'равнина'. Это слово встречается и в других исторических памятниках, а именно, в «Диване» Сейфа Сарайи, в «Хосров и Ширин» Кутба и др. В древнетюркском языке слово *язи* тоже употреблялось в значении 'степь', 'равнина' [5, 251]. До сих пор оно встречается в составе географических названий Средней Азии, в частности Узбекистана, например, в Ферганской области имеются населенные пункты *Язъяван* (раньше было *Язи-Яван*), *Акъези*, в Наманганской области имеется *Язтепе*, в Киргизской — *Кызыл-язи* и т. д.

Слово *равза* в «Бабур-наме» встречается в значении 'цветник' или 'могила уважаемого человека'. «Гробница Султана Махмуда находится в пригороде Газни; так как там находится могила Султана, то его называют Равза» [1, 162; 3, 196]. В «Мухакамат-ул-Лугатайн» Алишера Навои это слово имеет значение 'сад' [7, 194]. В «Бухарских документах XIV в.» О. Чехович мы находим уже топоним *Равза* (сад) [10, 138—142].

В произведении Бабура немало и других географических терминов, которые участвуют в образовании географических названий: *гузар* 'проход', 'брод'; *пушта* 'возвышенность', 'холм'; *жилга* 'небольшой сай', 'речка'; *кутал* 'перевал' [9, 46—47]; *туз* 'равнина'; *кул* 'река', 'долина реки', 'ложбина' [16] и др.

В «Бабур-наме» мы встречаем массу этнонимов, например: *каучин*, *тугчи*, *минг*, *чограк*, *бархин*, *ашпар*, *турукшар*, *кушчи*, *кахат*, *барлас*, *тагай*, *джалоир*, *аргун*, *кипчак*, *могол*,

узбек, чигатай и т. д. [3, 70, 71, 88, 89, 111, 120, 173]. Современное узбекское население давно уже не помнит многих названий узбекских родов и племен (за исключением тех, кто занимается этим специально), но они сохранились в топонимии.

Ряд этнотопонимов мы видим в «Бабур-наме», например, *Ашпара* [3, 68], *Ашпариен* [3, 119, 120], *Турукшорон* [3, 199, 120], *Чакрак* [3, 119, 120], *Кахат* [3, 206] и т. д. И на современных картах имеется немало названий, сохранивших родо-племенное деление тюрков, в частности, узбеков. Так, в бассейне реки Чу до сих пор имеется река *Ашпара*. Городище на этой реке также сохранило название *Ашпара* [2, 567].

В Кировском районе Ферганской области имеются кишлаки *Кахат*, *Кушчи*. Населенные пункты *Аргын* есть в Андижанской, Наманганской, Ташкентской областях. В Ленинградском районе Ферганской области имеется несколько *Джаловров*. Есть *Джаловир* и в Ташкентской области. Название *Бахрин* носят один из махаллей старого Маргилана и кишлак в Ленинградском районе Ферганской области.

Таким образом, топонимист нашего времени сможет найти много интересного в замечательном произведении Бабура, одного из «первых топонимистов» Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захириддин Мухаммед Бабур, Бабур-наме, Ташкент, 1958.
2. В. В. Бартольд, Сочинения, III, М., 1965.
3. Захириддин Мухаммад Бобир, Бобирнома, Ташкент, 1960.
4. Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков, М., 1962.
5. «Древнетюркский словарь», М., 1969.
6. С. Қороев, Навони ва топонимика, — Ўзбек тили ва адабиёти, 1968, № 3.
7. А. Навоий, Танланган асарлар, III, Ташкент, 1965.
8. В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959.
9. Ҳ. Ҳасанов, Захириддин Муҳаммад Бобир (хаёти ва географик мероси), Ташкент, 1966.
10. О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965.

М. М. Абрамов

ИСТОРИЯ САМАРКАНДА В ЕГО МИКРОТОПОНИМАХ

Самарканд возник в сердце Согда как опорный пункт союза согдийских племен и навсегда остался центром Среднего Зеравшана. Этому способствовали стратегическое и экономическое преимущества расположения города: замечательные климатические условия, выгодное географическое положение

в долине Зеравшана, богатые водные ресурсы, большие запасы строительных материалов и ценных цветных и редких металлов. Недаром Самарканд называли *фирдаус-монанд* 'подобный раю' или *сайкали руи замин* 'блеск лица земли'.

С VI в. город бурно рос к югу вдоль магистрального канала. С IX в. до конца X в. Самарканд переживал подъем экономической и культурной жизни. В это время город был расширен, украшен новыми зданиями. Он занял теперь весь холм городища Афрасиаб, был окружен мощными стенами (по счету четвертыми) с четырьмя воротами: Бухарскими на севере, Китайскими на востоке, Наубехарскими на западе, Кешскими на юге.

Географ X в. Макдиси рассказывает о различных видах шелковых и полотняных тканей, о серебряной парче, вывозившихся из Самарканда; здесь изготавливались медные котлы, изящные кубки, палатки, стремяна и удила. Ведарийские хлопчатобумажные ткани (из селения Ведар, в окрестностях Самарканда) славилась в Месопотамии.

В результате нашествия Чингисхана (1220 г.) Самарканд был полностью разрушен. Со второй половины XIII в. город начал медленно восстанавливаться. Новый Самарканд был обнесен крепостной стеной с шестью воротами: *Шейх-заде*, *Аханин* 'железные', *Чорсу*, *Сузангарон* 'иглолчники' — по названию квартала, *Кяризгох* и *Фируза*. Была заложена цитадель с двумя воротами. Монументальные здания цитадели включали дворцы *Куксарай* 'голубой дворец' и *Бустонсарай* 'садовый дворец', мавзолей Нуритдина Башра, ремесленные мастерские.

При Улугбеке (первая половина XV в.) вновь Самарканд переживает период расцвета. Он превращается в центр научной мысли Востока и в крупный центр ремесленного производства и торговли. Сохранившиеся в Самарканде до наших дней великолепные памятники средневековой архитектуры, созданные руками народных умельцев, вызывают подлинное восхищение каждого. Архитектурные памятники Самарканда — шедевры восточного зодчества.

С конца XVII в., особенно в 20—40 гг. XVIII в., Самарканд в результате феодальной смуты, нашествия кочевых племен и иранских захватчиков пришел в упадок и запустение. Только со второй половины XVIII в. были приняты меры к заселению и восстановлению города, к расширению и приведению в исправность ирригационных сооружений.

В 60-х гг. XVIII в. в Самарканде насчитывалось около 10 тыс. жителей. Основными кварталами (гузарами) города тогда были: *Факи-Абулайс* (X—XI вв.), *Джакардиза* или *Чакардиза* (X—XI вв.), *Новадон* (X—XI вв.), *Гатфар* (X—XI вв.), *Сузангарон* (XII в.), *Дари-занжир* (конец XIV в.), *Махтуми-Хоразм* (XV в.), *Мирзо-Пулот* (XV в.), *Кази-Калон*